

Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 4 (54). Part II. P. 153-156. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:VCzM7M8QmLoJ:www.gramota.net/materials/3/2015/42/40.html+&cd=26&hl=ru&ct=clnk&gl=ru/>

5. *Berdnikova E.N.* Use of innovative digital communications in the educational process // Vestnik sovremennyh issledovaniy. 2018. № 10.5 (25). P. 16-18.

6. *Yanitskiy M.S.* Psychological aspects of digital education // Vocational education and youth employment: XXI century. Training for the digital economy: compilation of the International scientific and practical conference. Kemerovo, 2019. P. 38-43.

7. *Tretyakov O.Ye.* Model of speech communication and its use in the educational process in the preparation of novice teachers // Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire. 2014. № 1 (53). P. 213-224.

8. *Demin G.K.* Discrete information loss in communication / G.K. Demin, Yu.G. Kreymyer, S.V. Antonenko, L.L. Karmazina // Вісник ПДАБА. 2011. № 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskretnye-poteri-informatsii-pri-obschenii>.

УДК 008

Е.В. ПРАСОЛ, В.П. ГРИЦЕНКО

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ЯЗЫК ДИАЛОГА

Прасол Елена Владимировна, аспирант Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), pew888@mail.ru

Гриценко Василий Петрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики, психологии и философии Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), postmodernist@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основные формы репрезентации языка в пространстве диалогического взаимодействия между представителями постиндустриального информационного общества. В ходе исследования учитываются не только вербальные способы трансляции языка, но также невербальные, занимающие преимущественное положение в современной информационной социокультурной и антропологической парадигме.

Ключевые слова: диалог, «горячие» культуры, коммуникация, монолог, объект, ритуал, субъект, текст, «холодные» культуры, язык.

UDC 008

E.V. PRASOL, V.P. GRITSENKO

INFORMATION SOCIETY: LANGUAGE OF DIALOGUE

Prasol Elena Vladimirovna, graduate of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy st., Krasnodar), pew888@mail.ru

Gritsenko Vasiliy Petrovich, PhD (philosophy), professor, professor of the cathedra of pedagogy, psychology and philosophy of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy st., Krasnodar), postmodernist@mail.ru

Abstract. The main forms of language representation in the space of dialogical interaction between representatives of the post-industrial information society are considered. The study takes into account not only verbal methods of language translation, but also nonverbal, which occupies a predominant position in the modern information socio-cultural and anthropological paradigm.

Keywords: dialogue, «hot» cultures, communication, monologue, object, ritual, subject, text, «cold» cultures, language.

Известный испанский мыслитель М. Кастельс, один из теоретиков так называемой урбанистической социологии, именуется современное общество и соответствующую ему культурную среду обитания сетевыми – данное определение исходит от всемирной коммуникационной сети. Синтез эмпирических исследований и аналитической работы, проведенных Кастельсом на трех континентах во множестве стран, включая Россию, отраженных в трилогии «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» представляет модель сетевого общества, развитие которой сопровождается одновременной трансформацией экономики, труда и занятости, культуры, политики, государственных институтов и, в конечном счете, пространства и времени. Благодаря такой тенденции постоянно увеличиваются объемы и масштабы информационного обмена, опираясь на которые функционируют «горячие» культуры – один из важнейших объектов изучения структурной антропологии. Единственным прочным связующим звеном между «горячими» и «холодными» культурами, как утверждает французский структуралист К. Леви-Строс, является язык.

В разные исторические периоды социокультурное пространство было немислимо без языка – основного способа мироосвоения и последующей передачи накопленного человечеством эмпирического опыта [1, с. 384]. Несмотря на разнообразие языковых картин мира, элементарной единицей коммуникативного взаимодействия всегда оставался знак, под которым традиционно понимается способ репрезентации сведений о вещах и явлениях предметного мира [2, с. 89]. Будучи средством невербальной коммуникации, знак позволяет заменять человеку большие объемы информации, акцентируя внимание на ее важнейших смыслообразующих аспектах [3, с. 40].

Помимо гносеологической, знак обладает множеством сопутствующих функций, которые сводятся не только к фиксации событий, выражению ценностной парадигмы или эстетических категорий, но прежде всего – к «демонстрации вынужденных ритуалов отсутствующей коммуникации» [4, с. 148], что является особенно актуальным исследовательским вопросом в условиях потребительского отношения людей друг к другу. Используемые нами в повседневности ритуальные действия имеют полноценную знаковую природу, позволяющую не только удерживать социальную и культурную дистанцию, но и идентифицировать себя на фоне других. Говоря об информационном обществе, под знаком мы подразумеваем модус адаптации к той среде, которую образуют вокруг нас машины и механизмы: являясь устройствами ввода-вывода информации, они способствовали популяризации искусственных языков, переместив естественные на второй план и поставив под сомнение феномен «субъекта обращения» [5, с. 293].

Многие из нас начинают день с проверки новостной ленты в социальных сетях, что превратилось в ритуал, лишенный какой-либо ценностной или смысловой нагрузки. Само взаимодействие с техническим устройством обрело форму монолога, в пределах которого человек, с одной стороны, пытается проявить личностную идентичность, а с другой – становится заложником постиндустриального образа жизни, где каждый следующий шаг уже продуман производителем: «Если социальная роль потребителя для индивида главная, то и потребительский престиж становится для него определяющим, вытесняя или оттесняя на периферию его сознания престиж остальных видов деятельности и человеческих качеств» [6, с. 205].

Человек не осознает, что его попытка выразить себя посредством графических знаков в виде фотографий или стикеров, неотъемлемый аспект служения гедонистическому культу, носит монологический характер, несмотря на то что он ожидает реакции своей целевой аудитории, «закольцованной» в других графических объектах («лайках» и «классах»), в действительности остается не услышанным. Более подробно об этом пишет русский культуролог М.М. Бахтин: «Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и «человек в человеке», как для других, так и для себя самого» [5, с. 294]. Таким образом, будучи частью индустриально развитой, «горячей»

культуры, индивид является не более чем симулякром, принудительно вовлеченным в «отсутствующую коммуникацию» [4, с. 148].

Диалог, согласно концепции Бахтина, выступает своеобразной формой социального бытия, где символический обмен обретает смысл: «Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [5, с. 294]. Учитывая тот факт, что современная цивилизация давно стала восприниматься многими мыслителями как пространство диалектики созидающего и деструктивного начал, то монолог в данном случае являет себя как саморазрушение, «символическая смерть», в то время как диалог подразумевает движение жизненного потока, бесконечного и незавершенного. Также его с уверенностью можно именовать носителем культурной памяти, поскольку диалог зародился в недрах мифологизированной мировоззренческой парадигмы, фундаментом которой являются архетипы – независимые от временных трансформаций первообразы. Тем самым обнаруживается его принадлежность концептам времени и вечности. Примечательно, что в философии Августина Аврелия время именуется «жизнью Души», а вечность – «жизнью Ума» [7, с. 218]: межличностный диалог возник как точка перехода от чувств к разуму, от «Эры Богов» – к «Эре Людей», по мере исторического развития соединяя в себе лучшие проявления эмоционального и рационального начал представителей различных типов культур. Следует отметить, что в «доосевое» время диалог в самом общем смысле сформировался в культуре анимизма – первой концепции души, впоследствии видоизмененной под натиском рационализированной древнегреческой культуры.

Персонифицируя вокруг себя природные объекты и явления, первобытные люди – элементарные частицы «холодной» культуры – усматривали в них ранее упомянутые нами «субъекты обращения». В современных условиях нередко встречаются подобные отношения между человеком и техникой: последняя играет роль молчаливого собеседника, отражающего посылаемые своим пользователем сообщения. Таким образом, можно сказать, что монолог в информационной среде фигурирует как акт нарциссизма, создающий видимость удовлетворения потребности в социальном признании и одобрении. Данная тенденция касается не только социальных сетей, но и всевозможных форумов, где люди под предлогом поиска поддержки от единомышленников на самом деле ждут слушателей, готовых вступить в грандиозное театрализованное действие, «интеграционистский» [8, с. 162] диалог – при этом большинство остаются анонимными его участниками.

Диалог не допускает развития подобной ситуации – в его границах Имя обладает неоспоримой аксиологической значимостью, которую доступно объясняет Э. Левинас: «В диалоге не осуществляется встреча двух личностей, а происходит интересубъективное взаимодействие двух субъектов высказывания, где они оба смещаются относительно Другого по способу центростремительного сгущения или центробежного смещения: один обязательно в именном высказывании в форме большой посылки сгущается к Имени как центру круга языка, занимая активную позицию, другой – в лицевом высказывании в форме малой посылки смещается к Лицу как периферии языка, занимая пассивную позицию» [8, с. 159].

Имя фиксирует коммуникативный акт в пространственно-временных координатах, превращая текст в дискурс (событийный текст): являясь неотъемлемым атрибутом жизненного начала и точкой слияния макро- и микрокосма, оно выступает в качестве смыслообразующего ядра целостного организма синтетического диалога. В соответствии с феноменологическим подходом Левинаса речь идет не об имени самого автора, посылающего сообщения остальным участникам, но об имени Другого, благодаря которому и может быть достигнута личностная идентификация. Принимая во внимание увлечение французского философа «буберовскими» идеями, мы приходим к выводу, что под личиной Другого изначально понимался трансцендентный Бог, чье присутствие можно ощутить посредством молитвы. Теперь же, с наступлением его смерти, провозглашенной Ф. Ницше, место Другого занял человек, одномоментно ставший объектом потребления.

В качестве заключения необходимо отметить, что диалог выступает прежде всего регулятором важнейших социокультурных процессов, поскольку «сказанное может объяснить некоторые процессы динамики культуры» [9, с. 49]. Именно в диалоге слово обретает направленность на субъект, в отличие от монолога, оперирующего бессодержательными знаками внутри массовой коммуникации. Испытав на себе многочисленные трансформации, язык диалога постепенно отошел от чистой невербальной природы, продиктованной мифологическим мирозерцанием. Однако если он обеспечивает осязаемую сопричастность Другому, то монолог создает лишь ее иллюзию, как и сама информационная культура, все более замыкающая индивида на собственном беспочвенном «Я»: «Повсюду ищут «сердце события» – стремятся испытать головокружение от целостного присутствия в событии, почувствовать Великое Содрогание Живого» [4, с. 15].

Следуя канонам технического прогресса, люди научились подменять нарциссически настроенный монолог симуляционным диалогом, существенно искажая смысловую нагрузку последнего: в случае даже самой мелкой неудачи они первым делом создают пост в социальных сетях, максимально омрачая сложившуюся ситуацию с целью привлечь как можно больше слушателей – как правило, легче всего это сделать при помощи яркой символической обложки. Таким образом, первоначальная, сакральная роль диалога растворилась в культуре потребления информационного общества, уступая место новой мифологической парадигме, взявшей на вооружение искусственные, «мертвые» языки машин.

Литература

1. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994. 384 с.
2. *Пирс Ч.С.* Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88-95.
3. *Целепидис Н.В.* Особенности интернета как средства межкультурной коммуникации в молодежной среде: дис. ... канд. культурологии. М., 2009. 190 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. 269 с.
5. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч. в 7 т. М., 2002. Т. 6. 505 с.
6. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000. 387 с.
7. *Плешков А.А.* О времени и вечности в философии Платона и Плотина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Выпуск 3. С. 216-223.
8. *Левинас Э.* Путь к Другому (Сборник статей и переводов, посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса). СПб., 2006. 239 с.
9. *Лотман Ю.М.* Сборник избранных статей по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. 480 с.
10. *Гофман А.Б.* Мода и люди: новая теория моды и модного поведения СПб., 2004. 208 с.
11. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения. М.; Жуковский, 2003. 464 с.

References

1. *Levi-Strauss C.* Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking]. Moscow, 1994. 384 p.
2. *Pierce Ch.S.* What is a sign? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2009. № 3 (7). P. 88-95.
3. *Tselepidis N.V.* Features of the Internet as a means of intercultural communication among young people: dis. ... cand. of cultural studies. Moscow, 2009. 190 p.
4. *Baudrillard J.* Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury [Consumer society. Its myths and structures]. Moscow, 2006. 269 p.
5. *Bakhtin M.M.* Problems of poetics of Dostoevsky // Coll. works in 7 vol. Moscow, 2002. Vol. 6. 505 p.
6. *Baudrillard J.* Simvolicheskiy obmen i smert [Symbolic exchange and death]. Moscow, 2000. 387 p.

7. Pleshkov A.A. On time and eternity in the philosophy of Plato and Plotinus // Vestnik Russkoy hristianskoy gumanitarnoy akademii. 2013. Vol. 14. Iss. 3. P. 216-223.

8. Levinas E. Put k Drugomu (Sbornik statey i perevodov, posvyashchennyu 100-letiyu so dnya rozhdeniya E. Levinasa) [Way to Another (Collection of articles and translations dedicated to the 100th anniversary of the birth of E. Levinas). Saint Petersburg, 2006. 239 p.

9. Lotman Yu.M. Sbornik izbrannykh statey po semiotike i topologii kultury [Collection of selected articles on semiotics and culture topology]. Tallinn, 1992. 480 p.

10. Gofman A.B. Moda i lyudi: novaya teoriya mody i modnogo povedeniya [Fashion and people: a new theory of fashion and fashionable behavior]. Saint Petersburg, 2004. 208 p.

11. McLuhan M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya [Understanding media: external extensions]. Moscow; Zhukovskiy, 2003. 464 p.

УДК 130.2

Е.А. БОРОДИНА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФОН СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ МИФОЛОГИИ

Бородина Екатерина Александровна, старший преподаватель кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры (Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18), kat--@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения мифологии современного города. Анализируются разные концепции и методологические подходы в изучении мифогенеза. В статье рассмотрены несколько подходов в изучении мифологии современного города, а именно: мнения таких исследователей, как Д.Н. Замятин, С.В. Рязанова, В.А. Давыдов и ряд других современных российских исследователей. Выдвигается предположение, что миф, бытующий в современных условиях, есть основной фактор, влияющий на культуру современного города.

Ключевые слова: миф, город, антропология, урбанистическая культура, черты городской культуры.

UDC 130.2

E.A. BORODINA

ANTHROPOLOGICAL BACKGROUND OF MODERN URBAN MYTHOLOGY

Borodina Ekaterina Aleksandrovna, senior lecturer of the cathedra of cultural studies and philosophy of the Perm state institute of culture (18, Gazety «Zvezda» st., Perm), kat--@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the mythology of the modern city. Different concepts and methodological approaches in the study of mythogenesis are analyzed. The article considers several approaches to the study of the mythology of the modern city, namely: the opinions of such researchers as D.N. Zamyatin, S.V. Ryazanova, V.A. Davydov and a number of other modern Russian researchers. It is suggested that the myth prevailing in modern conditions is the main factor influencing the culture of the modern city.

Keywords: myth, city, anthropology, urban culture, features of urban culture.

Тема влияния мифа на городскую культуру представляется очень актуальной. Миф, попадая в фокус исследователя, позволяет выявить множество граней восприятия городской культуры, особенностей того социокультурного континуума, который он создает. Город создает миф как общее в том отношении, что импульсом для мифогенеза может служить любой феномен человеческого бытия, и формирует мифологемы, определенные своей спецификой.

Неслучайно городская мифология уже не раз оказывалась в фокусе исследовательского внимания. В.А. Давыдов трактует миф как медиатор между индивидом и окру-